

В номере за сентябрь—октябрь 1992 г. на страницах «Журнала» была опубликована статья Серхио Моратьеля Вилья «Испанская школа нового международного права»¹. В ней рассказывается о важнейшем вкладе испанских теологов-философов-юристов в развитие современного международного права. Статья состоит из трех глав: «Лас Касас, комбатант *ora et labora*», «Вежливый бунт Витории» и «Суарес протягивает руку Гроцию». Последний раздел этой напечатанной в 1992 г. статьи открывает перспективы, которые позволяют автору продолжить исследование истории и философии международного права.

Философия международного права: Суарес, Гроций и эпигоны

Серхио Моратьель Вилья²

Поскольку Франсиско Суарес был первым убежденным республиканцем, открыто заявившим о своих взглядах, его, этого «принца современных юристов», некоторые обвиняли в том, что он ярый антимонархист и едва ли не первый царевубийца.

В право он ввел онтологию, метафизику и теодицею платонизма и аристотелизма, учения блаженного Августина и томизма. Благодаря ему в области юриспруденции совершилось проникновение «мира идей» в мир вещей. Сегодня его толкование права настолько же актуально, как и при его жизни. Оттал-

¹ RICR, № 113, septiembre—octubre de 1992, pp. 440–458.

² Серхио Моратьель Вилья учился в высших учебных заведениях Испании, Италии, Швейцарии и Соединенных Штатов Америки. Имеет степень доктора филологических наук. Преподавал филологию и сравнительную литературу в различных учебных заведениях Мадрида и в Лозаннском университете. Написал несколько статей для газет и журналов, а также три книги, посвященные, главным образом, литературоведению и опубликованные в Испании. С 1971 г. работает переводчиком-редактором в МККК.

Статья написана на испанском языке.

квиваясь от предметов абстрактных, он развил философию права, применимую к конкретным ситуациям.

Суарес преподавал в университете и писал в своих трудах, что право есть не что иное, как наука о свободе, наука, разумеется, неточная, ибо вынуждена считаться как с индивидуумом (*ego*), так и с коллективом (*ens sociabilis*), и что нельзя смешивать его ни с личной моралью, ни с общественным мнением. Каждому нормальному человеку присуще правосознание: если с метафизической точки зрения все люди равны, то на практике дело обстоит по-иному. Равное качество соотносится с не совсем равным количеством, иной пропорцией. Право, будучи законом добра и порядка, разума и истины, основывается, таким образом, на субъективном суждении личности, которое никогда не бывает совершенным.

Человечество объединяет в себе условия, благодаря которым свободное суждение каждого отдельно взятого индивидуума может сосуществовать с суждением другого индивидуума, в согласии с общим законом свободы. Применение права никого не ущемляет, и при отправлении правосудия каждый человек получает то, что ему причитается. Как с физической, так и с нравственной точки зрения, право, правосудие и порядок проистекают не из равенства, а из пропорциональности и основываются на внутренних и внешних условиях, необходимых для развития интеллектуальной и социальной жизни отдельного человека и всего человечества.

Как не бывает свободы без разума, так не бывает и обязанностей без прав — права и обязанности суть категории прирожденные. Обязанность — это норма разума в применении к свободе, тогда как право — это гарантия и позволение, которых требует свобода. Обязанности заставляют нас стремиться к той или иной цели, права дают нам средства для ее достижения. Каждый индивидуум обладает физическими и умственными способностями для самосохранения и самосовершенствования. Действие разума в применении к внешней свободе — это источник права, которое, следовательно, заложено в самой человеческой природе и основывается на личности человека в его отношениях с себе подобными. В связи с тем, что люди — существа созидающие, что они являются «вторичными» свободными причинами и что следствия, обусловленные действиями и поступками людей, зависят от их личности, они обладают всеми правами в меру своих способностей. Именно на этих соображениях и должно строиться правосудие (справедливое, дающее каждому свою долю), ставя перед собой следующие задачи: признать одинаковую для всех людей природу, решить это уравнение, наполнить справедливость конкретным содержанием.

Жизнь в сообществе не ограничивает индивидуальной свободы, напротив, она способствует развитию человека. Право запрещает не использование свободы, а злоупотребление ею. Государства, как и индивидуумы, обладают некоторыми основными естественными, присущими им изначально правами — правом на жизнь, самосохранение, развитие, независимость, равенство, самооборону. Они также обладают правами, приобретенными благодаря существующим нравам и обычаям, пактам, конвенциям, международному законода-

тельству и т. п. Для самосохранения государство должно опираться на институты, действующие в согласии с его общественной целью. Так, например, основное право на самосохранение должно осуществляться совместно с правом на развитие, без которого было бы трудно обеспечить сохранение.

Вклад Суареса в международное право, после появившегося ранее аналитического сочинения Франсиско де Витории, состоял в том, что он выявил и систематизировал общие и частные типы законов, их происхождение, природу, разнообразные формы, категории: естественный закон в его различных проявлениях, закон государств как международная норма, то есть право, регламентирующее отношения между нациями¹. Он установил — причем более точно, чем его предшественники, — различие между *jus gentium* в его аспекте международного права и старым *jus gentium*, производным от римской юриспруденции, определив современное *jus gentium* как «закон, который должен соблюдаться различными народами и нациями в их взаимоотношениях». По Суаресу, международное право — это право, которое имеет под собой «рациональную основу» по той причине, что, хотя человеческий род разделен на великое множество отличающихся друг от друга народов и правлений, он все же сохраняет определенное единство — не только родовое, но и, в некотором смысле, моральное и политическое, обусловленное вытекающей из самой человеческой природы заповедью любви к ближнему и милосердия. В своем сочинении «De legibus», опубликованном в 1612 г., Суарес объясняет, что существует естественный закон, о котором человек знает не в силу субъективного нравственного сознания, а скорее в силу своей природы, согласующейся с Божественным замыслом. Если превалировать должны индивидуальные права, то и тогда общество представляет собой единое целое, отличное от всей массы составляющих его членов. Общественная цель состоит в том, чтобы индивидуумы сами, без принуждения, пришли к решению об оказании взаимопомощи и формировании политического сообщества; таким образом, носителем верховной власти является сам народ. Власть рождается, когда образуется общество, но ей могут не подчиняться, ее могут свергнуть, если она не выполняет своей миссии. В некоторых случаях объективно существующая социальная структура не поддается определению, и возможны различные толкования, наличие различных обычаев, систематизацией которых занимается международное право. Обустройство отношений между нациями имеет отношение к международному праву и «всемирному сообществу».

Суарес со всей определенностью указывал на существование человеческого общества, выходящего за пределы границ между государствами, на необходимость норм для такого общества, на неспособность разума создать все требуемые нормы — так, чтобы они имели аподиктическую ценность, а также на неспособность действующего в обществе права устранить этот недостаток путем применения обычая в качестве закона, когда этот обычай соединяется с при-

¹ См. мою статью «Escuela española del nuevo derecho de gentes». — RICR, № 113, septiembre—octubre de 1992, p. 456. В ней говорится следующее: «Витория, рассматривавший частные аспекты, и Суарес, исследовавший вопросы более общего характера, заложили основы философии права, применимой к любой из его отраслей».

родой. В результате он пришел к выводу, что международное право находится в точке пересечения естественного права и права гражданского. Международные отношения должны отвечать критериям международного права, поскольку последнее обусловлено «общими потребностями народов». В его основе лежит, таким образом, сообщество наций: государства не могут жить в изоляции. Суарес говорит также о концепции взаимозависимости как о фундаменте международного права, позволяющем гарантировать мир, справедливость, свободу, прогресс и сосуществование.

Современное международное право предполагает наличие в мире групп, осуществляющих территориальный суверенитет и образующих сообщество наций, каждая из которых имеет собственные внутренние или муниципальные законы и наделена властью, ограниченной лишь положениями международного права. Это право должно применяться — как индивидуально, так и коллективно, — и это применение обусловлено не какой-то высшей властью, а волей членов сообщества наций. Таким образом, международное право — это публичное законодательство сообщества групп, осуществляющих свой территориальный суверенитет и свою территориальную власть.

Витория и Суарес разными путями пришли к одному и тому же выводу о необходимости единообразной и всеобщей нормы, регулирующей как отношения между индивидуумами, проживающими в одном государстве, так и отношения между государствами и в рамках мирового сообщества, состоящего из индивидуумов и государств.

Когда римляне называли свое фециальное право «международным правом», они имели в виду не позитивное право, установленное на основе взаимного согласия различных народов, о существовании которых им было известно; те, кто римлянином не был, оставались за пределами римской фециальной юрисдикции. С точки зрения римлян, *jus gentium* было правом — как публичным, так и частным, — распространявшимся на цивилизованные народы; в более узком смысле это было римское законодательство, применявшееся в отношении других народов (варваров).

Суарес очень часто цитирует Виторию. И тот, и другой были не только известными теологами, но также юристами и философами, представителями испанского Ренессанса: в ту эпоху к теологии относились как к всеобъемлющей науке, изучающей все аспекты поведения человека. Оба считали, что обязанности и функции теолога распространяются на самые разнообразные области. Не было таких размышлений, тем или письменных трудов, которые оставались бы чужды целям и практике теологии. Суарес и Витория обладали более широким кругозором, более ясным восприятием прогресса, более ярко выраженной склонностью к рассмотрению правовых вопросов, чем сами профессиональные юристы. Они подвергали себя немалой опасности, идя наперекор претензиям церковной иерархии на светскую власть, выступая за ограничение свободы светских суверенов, формулируя принципы, отклоняющиеся от Божественного закона и канонического права.

В доктрине Суареса четко обозначен интерес, имеющий, надо сказать, вполне современное звучание, к вопросу о защите и пропаганде прав человека. Свобода, справедливость, развитие и мир лишаются фундамента и подвергаются серьезной опасности, если не признаются достоинство, а также равные и неотъемлемые права членов мировой семьи. Государства должны гарантировать всеобщее соблюдение основополагающих прав и свобод.

С точки зрения Суареса, естественный закон помещает человека в общий план творения. Интерес Суареса к абстрактному общему, применимому к конкретному частному, его критический подход роднят его с современной философией. Согласно Суаресу, объективная нравственность определяется следующим образом: соответствие или несоответствие по существу объектов деяний человека с рациональной природой. Что касается субъективной нравственности, то она коренится в инстинктах. Человеческая природа скована тремя врагами души (миром, демоном и плотью) и семью смертными грехами. За редким исключением действие определяется не идеями, а чувствами. Естественные тенденции, страсти и желания играют важную роль двигателей и регуляторов жизни. Суарес, однако, добавляет, что нередко идеи теснейшим образом связаны с мощными чувствами, сильнейшими импульсами и склонностями, которые толкают человека к тому, чтобы он реализовал их. Добродетели определяются воспитанием, заключенными на добровольной основе договорами, общественными интересами. Общество все лучше и лучше принимает существование законов. Согласно Суаресу, закон — это «правильная и неизменная заповедь, имеющая достаточно широкое распространение». В его основе лежит вечный закон, понимаемый в духе августинизма. Естественный закон — это обязательный Божественный закон и позитивный Божественный закон в том виде, в котором они изложены в обоих Заветах. Если рассматривать нравственную сторону позитивного Божественного закона, то обнаруживается, что она есть не что иное, как прогрессивное прояснение естественного закона. А это значит, что христианский закон не привносит в естественное право ни одной позитивной моральной заповеди.

Социальная доктрина Суареса представляет для нас интерес и сегодня: общество — это объединение людей, основанное на естественном праве; таким образом, гражданская власть, отличная от власти семейной, имеет отдаленное Божественное происхождение, однако ее непосредственный субъект — это «ассоциация» как таковая. Для создания гражданского общества требуется народное согласие — явно выраженное или подразумеваемое, требуется придать верховной власти народа конкретную форму политического режима. По своим философским и теологическим посылкам «согласие» Суареса радикально отличается от «договора» Руссо. Как только устанавливается конкретный политический режим, сообщество уже не может произвольно освободиться от власти, которой оно добровольно подчинилось, — исключения составляют случаи крайней тирании или социальной анархии. Цель гражданского общества, этого временного блага для всех, в силу самой своей сущности ограничивает власть государства. Отсюда следует, что восстание против тирана и даже его убийство

законны, ибо тиран может быть свергнут представителями сообщества, которое наделило его властью.

Из наднационального единства рождается международное право, и это право, по мнению Суареса, не является частью естественного права, которому подчиняется ассоциация народов, а представляет собой позитивное право, построенное, главным образом, на обычае и консенсусе и принятое всеми народами за основу их взаимоотношений. Справедливая война вписывается в рамки международного права.

Было замечено — возможно, справедливо, — что международное право основывается исключительно на признанных цивилизованными нациями мнениях и что вытекающие из него обязательства соблюдаются лишь благодаря существованию моральных санкций, по причине страха перед общественным мнением, боязни властей вызвать враждебное отношение к себе и испытать серьезные затруднения в случае нарушения повсеместно соблюдаемых норм. И надо отметить, что такая система действует, хотя и не всегда.

Суарес развил эту фундаментальную идею международного права в соответствии с Виторией: суверенитет каждого государства ограничен в силу того, что государство принадлежит к сообществу наций, связанных друг с другом на основе солидарности и взаимных обязательств.

Подобно тому как Витория защищал *jus soli* — принцип, согласно которому национальность определяется местом рождения (противопоставление между родиной и остальным миром отсутствует), Суарес защищал равноправие мужчин и женщин. Нельзя не обратить внимания на то, что все это звучит на удивление современно: ведь и по сей день во многих уголках планеты женщины чувствуют себя ущемленными в правах. Мировое сообщество располагало и до сих пор располагает обычаями, а также опытом правовой деятельности, однако применение законов все еще оставляет желать лучшего, что подтверждается многочисленными примерами.

Богатое наследие Гроция

Руссо и Вольтер критикуют Гроция: Руссо в первых главах своего сочинения «Об общественном договоре» упрекает его в беспорядочной эрудиции «ученого мужа», который собирал цитаты и ссылки на авторитеты; Вольтер называет Гроция неумеренным компилятором цитат, имеющих ученую оболочку.

Споры, объектом которых стал Гроций в качестве основателя международного права, восходят уже к началу XX века, когда Фредерик Поллок заявил, что Гроций заложил основы современного международного права, переработав теорию естественного закона. Многие современные специалисты сводят до минимума роль Гроция как модерниста светского направления. По их мнению, его вклад в теорию естественного закона ограничивается передачей эклектической доктрины, причем его обобщения носят скорее теологический, нежели светский характер. И форма, и содержание сочинений Гроция выдают в нем прежде всего голландского эрудита, впитавшего в себя дух эпохи теологических убеждений, столь же закрепившихся, сколь и противоречивых.

Его немало критиковали за то, что он основывался в слишком значительной степени на естественном законе и в недостаточной степени — на международном праве. На труды Гроция ссылались целые поколения государственных деятелей и дипломатов, в основном из числа протестантов, неоднократно цитируя отдельные отрывки, которые, кстати, не всегда принадлежали его перу. К его сочинениям обращались «отцы-основатели» великой североамериканской республики — Джон Адамс, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Джеймс Вильсон и Джон Маршалл.

В действительности же значительная часть трудов Гроция — это не что иное, как повторение принципов, которые уже в те времена были широко распространены в Испании и известны не одному поколению. Их можно отыскать не только в объемистых инкунабулах и пыльных фолиантах XV, XVI и XVII веков, но и в относящихся к тем же столетиям руководствах, предназначенных для армии, — например, в руководстве Аялы. Эти принципы применялись и на полях сражений. Юридические советники, монахи и офицеры испанской армии с величайшей серьезностью учитывали их при проведении военных операций. Международное право и право войны были не просто теоретическими дисциплинами, но правилами, тщательнейшим образом применявшимися на всей огромной территории испанской империи. Испанские военные кампании проводились только после консультации с «юристом». Нередко таким «юристом» был самый обычный миссионер, который, однако, хорошо знал принципы войны, считавшейся необходимой для восстановления мира, справедливости и порядка (когда сила торжествует во имя права, она может навязывать его). Аяла, из руководства которого Гроций, как он сам признавал, почерпнул немало вдохновения, служил офицером и юрисконсультom в армии Филиппа II во Фландрии. Руководство было написано им специально для армии. Белли, к сочинениям которого Гроций также обращался, был военным судьей в армиях Карла V и Филиппа II. Не вызывает сомнения тот факт, что все военачальники были знакомы с вопросами гуманитарного характера и международного права, которые уже тогда считались традиционными в Испании и были предметом обсуждений: пятая книга «Этимологий» св. Исидора Севильского, св. Раймунда из Пеннафорте, «Las Siete Partidas» Альфонса X Мудрого, Алонсо Тостадо, Гонсало де Вильядьего, Хуана Лопеса (Иоганн Лупус, также цитируемый Гроцием), Франсиско Ариаса де Вальдераса, Альфонсо Кано, Доминго де Сото и многих других, занимавшихся вопросами международного права.

Гроций говорил, что среди философов и теологов трудно отыскать равного Суаресу по тонкости ума. Он признавал, что Суарес был первым, кто выступил с утверждением, согласно которому международное право строится не только на простых принципах правосудия, применяемых в отношениях между государствами, но и на обычаях, уже давно практикуемых европейцами в этих отношениях, откуда и происходит название «обычное право».

Тех, кто хорошо знает о важном вкладе Суареса, всегда поражает отношение к нему Гроция. Так, более полутора века назад сэр Роберт Филлимор выразил удивление по поводу того, что Гроций не был знаком с искусно выполненными

ми работами испанского теолога, посвященными естественному, публичному и международному праву.

Долгое время большинство специалистов — речь идет, главным образом, о протестантах — видели в Гроции «единственного основателя» современного международного права или сравнивали его с яркой звездой, просиявшей во тьме юриспруденции, звездой, вслед за которой появились, возможно, и другие светила, но уже такие незначительные, что вряд ли стоит о них говорить. Влияние Гроция было, разумеется, огромным. Этот факт широко известен и общепризнан. Нельзя, однако, забывать о том, что созданию Гроцием замечательных трудов немало способствовали его предшественники, столь же именитые, сколь и многочисленные. Среди них Ирнерий, Бартоло, Балдус, Тертуллиан, блаженный Августин, Исидор Севильский, Фома Аквинский, Леньяно, Боне, Мартинус Лауденсис, Генрикус де Горкум, Хуан Лопес, Вильгельм Маттеи, Франсиско Ариас, Витория, Сото, Васкес де Менчака, Суарес, Пьерино Белли, Бальтазар Аяла, Альберико Джентили и многие другие. Дело в том, что после Реформации предубеждения протестантов и католиков по отношению друг к другу были настолько сильными, что мешали формированию беспристрастного мнения, однако отдельные, правда, очень немногие люди, в том числе и Гроций, все же познакомились с трудами представителей другого лагеря. Можно сказать, что, хотя в трудах Гроция не так уж много действительно оригинального, в них тем не менее обнаруживается все, что имело ценность в ту эпоху, когда жил автор. Его сочинение «*De jure belli ac pacis*» представляет собой компиляцию, состоящую из множества материалов, которые не относятся и никогда не относились к области международного права. Нельзя при этом забывать, что автор был одновременно теологом, купцом, юрисконсультom, историком, государственным деятелем и патриотом, которого сослали на каторгу и который бежал оттуда, оставив свою жену на произвол судьбы. В этом сочинении содержится почти все международное право в том виде, в котором оно существовало в 1625 г. (с 1680 по 1780 г. его труд выдержал тридцать изданий на латинском языке, девять на французском, четыре на немецком и три на английском; на испанском языке он не издавался, так как в этом не было необходимости: в Испании имелось достаточно своих источников).

Еще в прошлом столетии было сделано весьма любопытное открытие в связи с комментарием к сочинению Гроция «*De jure praedae*», который долгое время считался утерянным. Рукопись была обнаружена в 1864 г. и через четыре года опубликована Г. Хамакером. Профессор Ян Костерс, изучая содержащийся в рукописи комментарий, первым доказал, что речь идет о кратком изложении известного сегодня определения Суареса относительно различия между традиционным международным правом, позитивным законодательством и обычным правом. И вот что интересно: Гроций написал свой комментарий в 1604 г., тогда как Суарес опубликовал свое сочинение «*De legibus*» лишь в 1612 г. Каким же образом в трактат первого могло войти «резюме» определения, которое было дано последним в более позднем по времени сочинении? Хамакер, а вслед за ним и Костерс внимательно изучили это «резюме» и пришли к выводу — мы

и сами не раз отмечали это, рассматривая факсимиле, — что один из листов помечен так, чтобы его можно было вставить в рукопись. При сравнении текстов отчетливо видно, что, хотя лист исписан рукой Гроция, он все же отличается от других листов рукописи (более мелкие буквы, местами более твердый росчерк пера). Из всего этого можно заключить, что вставленная страница была написана не в 1604 г., а значительно позже...

Гроций цитирует Виторию в «Пролегоменах» к своему главному сочинению «De jure belli ac pacis», а также в работе «Mare Liberum», появившейся в 1609 г., которая в действительности представляет собой одну из глав другого сочинения, датируемого, как мы это показали, 1604 годом и озаглавленного «De jure praedae». В данном произведении Гроций ссылается на профессора из Саламанки, рассматривая, в частности, вопрос об особенностях политического сообщества, которое должно иметь собственный совет и собственную власть. Несмотря на то что Гроций так и не опубликовал «De jure praedae» (за исключением главы 12, отдельно изданной в 1609 г. под названием «Mare Liberum»), он, вероятно, долго думал о том, чтобы развить эту работу и превратить ее в трактат о международном праве. Нам известно сегодня, что значительную часть этого произведения Гроций практически без изменений перенес в свой известный труд «De jure belli ac pacis», вышедший в свет в 1625 г. Когда в 1612 г. появилось сочинение Суареса «De legibus», Гроций, вне всякого сомнения, с интересом прочел его и составил краткое изложение принадлежащего Суаресу важного определения, с тем чтобы включить его главные положения в соответствующее место в рукописи, которую он к этому времени еще не опубликовал. В связи с этим возникает вопрос: почему Гроций не воздаст должного Суаресу, как он это сделал в своих «Пролегоменах» по отношению к другим авторам? Он лишь четыре раза мельком ссылается на Суареса, и то в сносках. Но ведь совершенно очевидно, что Суарес повлиял не только на концепцию международного права, но и на объяснения Гроция относительно естественного права. Гроций побывал в Англии и получил несколько аудиенций у Якова I. Когда вышло в свет его сочинение «De jure belli ac pacis», он жил в ссылке в Париже и зависел от милостивого гостеприимства Людовика XIII и от пансиона, который выплачивался ему весьма нерегулярно из королевской казны. Оказавшись в этом деликатном положении «протее», он избегал ссылок на «споры эпохи» и скорее всего по этой же причине считал не совсем уместным чаще цитировать Суареса, «политические» сочинения которого вызывали гнев у правивших в то время монархов (Якова I, Людовика XIII, Марии Медичи). Как бы то ни было, сочинение «De legibus» Гроций знал хорошо, в противном случае он не цитировал бы его. Учитывая схожесть концепций, обнаруживаемых в произведениях обоих авторов, можно смело допустить, что Гроций позаимствовал у Суареса немало идей.

Что касается Аялы, то Гроций, очевидно, либо не читал его, либо говорит неправду, о чем можно судить по его глубоко ошибочному утверждению, в соответствии с которым Аяла не затрагивал вопроса о справедливости и несправедливости войны (во второй главе «Руководства» Аялы этот вопрос рассматривается на 34 страницах).

Благодаря представителям испанской школы международное право стало приобретать современное звучание. К старой концепции закона, общего для многих народов, они добавили новую концепцию права, регулирующего отношения между различными государствами. Теория природного равенства всех людей уже вошла в обращение, но не появился еще смелый новатор, который включил бы ее в международное право. Этим новатором стал Витория. У Гроция рассмотрение вопроса о естественном праве носит менее глобальный характер, чем у Суареса до него и у Пуфендорфа после него. Его главная цель состояла в том, чтобы сформулировать нормы для международного общества, этой огромной системы конгломерата сообществ (многие нормы проистекали из муниципального права, из сравнения общества с человеческим организмом и из правил, применявшихся в разных местах в отношении дуэлей).

В трудах Витории, Суареса, Васкеса де Менчаки, Аялы — этих наиболее известных юрисконсультов испанской школы — содержатся четко сформулированные заявления о том, что в силу норм, установленных нациями в договорах, государства имеют равные права. Никто из этих авторов не принял, однако, общей концепции естественного закона, что с особенно полной очевидностью вытекает из рассуждений Лас Касаса. Витория говорит о естественном законе как о законе, основанном на разуме: «в начале все было общим». Вышеупомянутые авторы проводили различие между идеальным *jus naturale* и позитивным *jus gentium*, что соответствовало распространенной тогда традиции (основанной на учении Фомы Аквинского). Суарес часто указывал на подобное различие и смог, таким образом, приспособить неизменное *естественное право* к практической жизни человечества. Гроций сделал то же самое, ни больше ни меньше. По-новому эта концепция (равенство государств) стала применяться после Реформации. Старая теория общего верховного начала оказалась несостоятельной по причине неспособности императора и Папы навязать всеобщее подчинение. Идея сообщества государств взяла верх над идеей всемирной империи. Тем, кто нес знамена публичного права, надлежало найти объяснение такому обществу, его членам, законодательству...

Концепция «равенства государств» не всегда сохраняла свою первозданную чистоту: часто вокруг нее возникали разного рода недоразумения (иногда ею злоупотребляли), случалось, что одни мнили себя «более равными», чем другие. Гроций осудил бесчинства и акты варварства, совершавшиеся во всем христианском мире теми, кто развязывал войны, «злоупотребления, которых постыдились бы даже нецивилизованные народы». Нередко к оружию прибегали по пустякам, а то и вовсе без причины. Божественные и человеческие законы не соблюдались, и противники действовали так, будто им было дозволено совершать любые преступления. Гроций, наиболее известный в Центральной Европе автор трактатов по международному праву, «голландское чудо», как охарактеризовал его французский король Генрих IV, дожил до применения «своих» главных принципов на практике. В 1648 г. были подписаны Вестфальские договоры, что привело к упразднению средневековой теории международных отношений и открыло, по мнению ряда протестантских авторов, путь для фор-

мирования современной государственной системы. Переданные Гроцием идеи изменили мезоевропейскую идеологию. Тем не менее огромные территории земного шара оставались вне системы голландца: Россия (до Петра I), Турция, Азия, Африка, Испания, Португалия, Латинская Америка и Океания. Что же касается Европы, епископов и мелких протестантских правителей, то около 200 ее государств восстановили священный принцип «*cujus regio ejus religio*». Следует, однако, отметить, что приблизительно за два столетия до этого уже просматривались очертания современной системы общества наций, когда современное, с точки зрения социального устройства, государство вступало в отношения или в конфликт с нехристианскими народами, «неверными», и ставился требующий немедленного разрешения вопрос о войне, ее законности и оправдании. Испанские предшественники Гроция еще тогда провозгласили полное равенство всех суверенных государств перед законом. Равенство государств неизбежно вытекает из их концепции равной суверенности короля Испании и американских касиков, а также концепции территориальной независимости. В 1937 г., то есть уже в наши дни, Муссолини заявил, что законы войны в эфиопском конфликте не применялись «потому, что эфиопы не принадлежат к христианскому миру».

Представлять теории и взгляды, отличающиеся от тех, которые были опубликованы и распространены на Западе, причем на Западе преимущественно протестантском, — задача не из легких, решение которой все еще наталкивается на предубеждения, своими корнями глубоко погруженные в мутные воды окутанной мраком легенды. До сих пор, к сожалению, так и не было предпринято никаких по-настоящему согласованных усилий по анализу относящихся к различным аспектам международного права теорий и точек зрения, которые применялись и по-прежнему применяются в менее развитых странах. Членами ООН являются в настоящий момент приблизительно 200 государств. Одновременно с ростом «семьи наций» следовало бы развивать и международное право, открывать перед ним новые горизонты, совершенствовать его применение. Именно с этой целью и была учреждена в 1947 г. Комиссия по международному праву, являющаяся вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Школе испанских богословов, философов и юрисконсультов конца XV столетия, а также XVI–XVII веков мы обязаны точно сформулированным определением международного права, основанного как на признании независимости наций — против империализма и теократии, — так и на обеспечении индивидуальных свобод. Государство — это не конечная цель, государство — это средство для достижения человечеством совершенства. Выше государства и его закона стоит общечеловеческий закон, который при помощи государства объединяет и сплачивает индивидуумов. Главная заслуга Витории и Суареса заключается в той настойчивости, с какой они утверждали — до Гроция и лучше него, — что нации связаны естественным законом, независимым от Божьей воли и основанным на человеческой природе. Одна из заслуг Гроция состоит в том, что он включил в юридический трактат выражение «естественное право», точнее, употребил его в подзаголовке: «*Libri tres, in quibus naturae et gentium item juris publici praecipua explicantur*». Три типа права — естественное,

международное и публичное — оказываются, как мы видим, поставленными в общий ряд. И было бы неправомерно утверждать, что речь идет о каком-то новом пути, пути естественного права рационалистского типа, в духе Декарта и Канта, пролежавшего параллельно пути, по которому следовало право интеллектуалистского типа испанской школы, придерживавшейся августиновского и томистского направления: Витория, который с величайшим вниманием относился к окружающей исторической обстановке, был рационалистом в такой же мере, в какой Кант и Гоббс, совсем или почти совсем не принимавшие во внимание действительность своей эпохи, были интеллектуалистами. И Гроций, и Кант, и Гоббс стремились в конечном счете к тому, чтобы развить международное право, которое досталось им в наследство, будучи и так уже достаточно развитым, и которое впоследствии получило дальнейшее развитие благодаря трудам Пуфендорфа, Вольфа и де Ваттеля; при этом никто из них не претендовал на создание обособленного международного права. Необходимо отметить, что последние три автора отдавали должное Суаресу, видя в нем одного из своих предшественников в области «истории политической теории».

Ни международное право, основанное лишь на естественном законе (в соответствии с подходом натуралистов), ни международное право, основанное только на обычаях и договорах (в соответствии с подходом позитивистов), не могут претендовать на исключительное обладание всей полнотой юридической истины. Достижение согласия не может служить фундаментом для всего института международного права. В соответствии со статьей 38 Устава Международного суда Суд должен применять общие принципы права и учитывать мнения известных авторов-специалистов. Признание этого факта указывает на то, что обычаи и конвенции не являются единственным основанием международного права. Влияние натуралистов (Витории, Суареса, Гроция) чувствуется и в Уставе Организации Объединенных Наций, признающем равенство всех наций и неотъемлемое право на законную самооборону.

Все современное международное гуманитарное право Гааги, Женевы и ООН укладывается в схемы, очерченные плеядой авторов (католиков), которых называют представителями испанской школы международного права. Гроций является одним из них (хотя он и не был католиком)...

Эпилог

Руссо сравнивал своего современника утописта аббата Сент-Пьера с ночной бабочкой, притягиваемой светом: «Этот редкий человек, являвшийся украшением своего века и всего человечества с тех пор, как оно существует, быть может, единственный, не знавший другой страсти, кроме страсти к разуму, — однако только и делал, что переходил во всех своих системах от заблуждения к заблуждению, так как хотел сделать людей подобными самому себе, вместо того чтобы брать их такими, каковы они есть и какими останутся»¹.

¹ Жан-Жак Руссо. Исповедь. — Избранные сочинения, т. III, М., «Художественная литература», 1961, с. 368.

Хорошо, конечно, что существуют договоры, конвенции, законодательства, нравы и обычаи, но если они не применяются, пользы от них мало. Далекое от совершенства право, регламентирующее отношения между людьми, досталось нам в наследство от халдеев, персов, евреев (неприкосновенность эмиссаров, закон возмездия), греков (погребение мертвых), римлян (*jus gentium*, фециальное право, *vae victus*), индусов (недоступные пониманию тексты, написанные за четыре тысячи лет до Р. Х., ведическая эпоха, межплеменные отношения, уважение статуса эмиссаров, касты, мелкие царства, запрет на причинение излишних страданий, обращение с военнопленными, перемирие), средневековых пап и монархов, Макиавелли и т. д. Тем не менее иудеи, например (так же, как и татары), не соблюдали практически ни одной нормы гуманности: одержав победу, они жгли города, убивали или уводили в рабство женщин и детей, выселяли мужчин, оправдывая все это Законом Моисея, псалмами и пророками. Греки вели себя по-варварски с «варварами», хотя уже тогда придерживались некоторых принципов гуманности (замена рабства или смерти выкупом). Римское *jus gentium* представляло собой гражданское законодательство, действовавшее исключительно в отношении италийских племен и изобиловавшее всякого рода дискриминационными положениями. Международное право, естественное право и фециальное право (на основании которого объявляли о намерениях начать войну, заключали мир и вообще вели все переговоры) были очень запутанными. Арабы вели праведные войны, совершая при этом не совсем праведные поступки. В основу дипломатии Макиавелли были положены жуткие деяния, совершенные «самим воплощением принципов» Чезаре Борджиа. Если говорить о католиках и протестантах, то преступления, подобные тем, которые совершили Екатерина Медичи во Франции, инквизиторы в Испании, герцог Альба во Фландрии, Тилли и Валленштейн в Германии, прекрасно иллюстрируют аксиому «делай то, что я говорю, а не то, что я делаю».

Гроций написал свое сочинение «*Jus praedae*» для того, чтобы оправдать войну в Индии. Его утверждения в «*Mare Liberum*» носят намного более определенный (и намного более воинственный) характер, чем все его произведение «*De jure belli ac pacis*» (название позаимствовано из 6-й главы сочинения Цицерона «*Oratio pro Balbo*»: «*universum denique jus belli ac pacis*»)¹, в котором материал, относящийся к международному и гуманитарному праву, оказался словно бы погребенным под грудой фактов, накопленных автором благодаря его поразительной эрудиции. Говорят, кстати, что незадолго до своей гибели в кораблекрушении Гроций сделал такое признание: «Из-за того, что я слишком много затеял, мне мало что удалось».

До Гроция тема «войны и мира» разрабатывалась тремя итальянцами: Джованни да Леньяно, Пьерино Белли и Альберико Джентили. Но если бы кто-нибудь осмелился заговорить о существовании старой «итальянской школы», то это утверждение было бы легко опровергнуть на том основании, что все выше-

¹ Цицерон был также первым, кто заговорил о «*jus bellicum, fidesque jurisjurandi*» в своем сочинении «*De Officiis*» (книга III, глава XXIX); формулировка относится к «*pacta sunt servanda*».

упомянутые авторы находились под влиянием главных представителей «современной» испанской школы международного права.

Как известно, дорога в ад вымощена добрыми намерениями. Во время битвы при Сольферино одних только законодательств, прокламаций, плакатов и договоров оказалось недостаточно. Именно тогда Дюнан и возродил вечную идею гуманизма. Чуть позже в своей книге «Воспоминание о битве при Сольферино» он предложил принципы и нормы, которые впоследствии были включены в международное гуманитарное право, представленное Женевскими конвенциями, Дополнительными протоколами к ним, Конвенцией ООН о запрещении или ограничении конкретных видов оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (историческая концепция «прав человека» — это ответ цивилизации на извечный вопрос о человеческом достоинстве). Удивителен и прекрасен путь, проделанный международным правом (современным) и гуманитарным правом или международным гуманитарным правом, которое меньше чем за три поколения — Монтесинос, Витория, Суарес — продвинулось дальше, чем за все предыдущие столетия, которое достигло зрелости и продолжает жить самостоятельной жизнью!
